

Вспышка молнии расколола иссиня-черный небосвод. Громовой раскат сотряс Гору Небесного Императора, на миг вырвав её из вечной тьмы, и мир снова погрузился в безмолвие.

Цзян Чаншэн покосился на Дань Синьцзэ, застывшего с лицом, полным благоговения, а затем перевел взгляд на свою троицу. В их оправдания он не верил ни на йоту. Наверняка просто заигрались где-то в лесу, а теперь плетут байки.

Вид их грязной, свалывшейся шерсти действовал лавочнику на нервы. Не в силах это терпеть, он притащил бадью, согрел воду духовной силой и принялся за мытье. И хотя Сань Ва был сирийским хомяком, которому по природе полагался песок для купания, после того как у него отросли крылья, Чаншэн решил не церемониться.

В теплой воде три мордочки быстро покраснелись. Питомцы блаженно щурились, пока Цзян Чаншэн тер им спинки. В воздухе парили прозрачные переливчатые пузыри. Один опустился Эр Пану прямо на нос; Сань Ва ткнул в него лапкой и покосился на Дань Синьцзэ.

«Этот человек наверняка сгорает от зависти? — подумал Сань Ва. — Завидуй сколько влезет. Тебе никогда не стать любимчиком хозяина».

Цзян Чаншэн даже не подозревал, какие нешуточные страсти кипят в этих крошечных головах. На середине процедуры он вспомнил, что его подопечные уже достаточно сильны, чтобы использовать технику очищения. Велев им самостоятельно высохнуть, Чаншэн повел Дань Синьцзэ показывать его комнату.

Глядя им в спины, Эр Пан и Сань Ва помрачнели.

— Нас разлюбили, — удрученно промяукал Эр Пан.

Сань Ва подпер круглую голову лапкой, наморщил лоб и выдал:

— Без паники. У меня есть идея...

Тяжелые раскаты грома катились по небу, яростный ветер завывал в сумерках. Чаншэн смотрел в окно на нескончаемую стену дождя. Установку портала в Центральный Божественный Округ лучше было отложить до утра, когда погода прояснится.

В меню «Восточной кухни» добавилось множество новых ингредиентов, а задание на постройку портала висело в статусе ожидания. Для активации требовалось пятьдесят тысяч духовных камней. Сумма заставила сердце Чаншэна болезненно сжаться, но он успокаивал себя тем, что с открытием пути в Центральный Божественный Округ поток клиентов вырастет в разы, а строительство филиала система возьмет на себя. Если бы он знал реальную рыночную стоимость межконтинентального портала, то понял бы, что сделка — просто подарок.

Ветер немилосердно трепал листья старого баньяна во дворе. Мо Ци, по своему обыкновению, с наступлением темноты куда-то исчез. Не придав этому значения, Цзян Чаншэн отправился спать.

Став практиком стадии Закалки Ци, он перестал нуждаться в глубоком сне; это было скорее состояние медитативного покоя, при котором сознание продолжало чутко улавливать всё происходящее вокруг.

Под аккомпанемент грозы троица зверей прокралась к комнате Дань Синьцзэ. Они старались выглядеть максимально свирепо, готовясь к открытому противостоянию. В их воображении воздух между ними и человеком уже искрил от напряжения.

Дань Синьцзэ удивленно смотрел на пушистых гостей. Он гадал: зачем эти милые создания так пристально на него глядят? Неужели приветствуют?

— Слушай, человеческое отродье, — начал Эр Пан. Он старался говорить властно и угрожающе, как и подобает зачинщику травли. — Благодарим за сегодняшнее.

В его представлении это звучало как дерзкий вызов, скрывающий явную угрозу. Но Дань Синьцзэ видел лишь рыжий комок шерсти с огромными блестящими глазами, который смотрел на него с нескрываемым чувством.

«Ох, — тепло отозвалось в его душе. — Значит, они благодарят меня за то, что я весь день помогал в закуской».

Он искренне улыбнулся:

— Пустяки, это мой долг. Я и впредь буду стараться изо всех сил.

Эр Пан остолбенел. Столь наглого ответа он не ожидал — это была открытая провокация! Даже Да Ша нахмурился. Стараться? Это что, намек на то, что он снова потащит их к обрыву?

Сань Ва сделал шаг вперед и, сохраняя самый невинный вид, холодно процедил:

— Удача изменчива. Не стоит слишком задирать нос.

Дань Синьцзэ кивнул:

— Верно. Я понимаю, что мне еще многому нужно учиться. Обязательно буду совершенствоваться.

Звери переглянулись и тяжело вздохнули. Какой самоуверенный человек! Чего он добивается? Неужели хочет окончательно вытеснить их из сердца хозяина? Страшный противник.

Сам же Дань Синьцэ был тронут до глубины души. Он решил, что звери-практики так его поддерживают. «Удача изменчива»? Это ведь значит, что после всех невзгод в его жизни наконец забрезжил свет. Как точно сказано. Пусть раньше он барахтался в грязи, теперь он сам вытаскивает себя из бездны. Новая работа — это новый старт, и он сделает всё, чтобы не подвести этих чудесных существ.

Какое теплое место, совсем как родной дом.

— Пойду отдыхать, и вам советую, — улыбнулся он им на прощание и скрылся в комнате.

Да Ша молчал долго, прежде чем вымолвить:

— Невероятный уровень мастерства.

Эр Пан совсем сник:

— Мяу... может, выставим его? Пусть идет в другие ордены. Если мы потеряем хозяина, нам некуда будет идти.

Потом он сердито фыркнул на спутников:

— Это всё вы виноваты! Сами же решили его оставить.

— Кто же знал, что он такой интриган... — проворчал Да Ша.

— Не бойтесь, — решительно прервал их Сань Ва. — Три ленивых зверя стоят одного мудреца. Ночью действуем по моему плану.

Буря не утихала. Молнии полосовали небо, гром взрывался над самой крышей, а деревья гнулись под натиском урагана. В углу, у клетки, шевельнулось обернутое фланелью огненно-красное яйцо. По скорлупе побежала тонкая трещина.

Троица, поднявшись на цыпочки, воровски прокралась в спальню Дань Синьцэ.

Цзян Чаншэн, используя метод, которому его обучил Мо Ци, взялся за очищение накопленной за эти дни заслуженной силы — гундэ. Он чувствовал, как его постижение Дао становится глубже с каждым мигом. Потоки духовной энергии окутывали его тело, погружая в состояние мистического транса.

И вдруг в этом безмолвии он различил странный звук.

Он не был похож на крики лесных зверей. В нем слышалось нечто потустороннее и жуткое, пронзающее саму душу в этой дождливой ночи. Чаншэн похолодел. «Просто какой-то хищник пробежал мимо», — попытался он успокоить себя.

Но звук приближался. Пронзительный, тягучий...

В этот момент Чаншэн увидел, как в дверном проеме шевелится нечто черное и косматое, медленно вползая в его комнату...

— А-а-а! — раздался резкий вскрик. Но кричал не лавочник.

Чаншэн проснулся и увидел вбегающего Дань Синьцзэ. Тот был бледен как полотно и задыхался.

— Лавочник... там... там в моей комнате творится нечто невообразимое! — голос парня дрожал.

Цзян Чаншэн оглянулся: косматая черная тень исчезла без следа.

— Ты... ты тоже это видел? — нервно спросил он.

— Да! — выдохнул Синьцзэ. — В моей комнате на потолке висят три монстра! Глаза светятся яростным зеленым огнем, мощь невероятная. Я понял, что мне с ними не совладать, и бросился к вам.

Чаншэн замер. Кажется, они видели совсем разные вещи. И это чувство узнавания...

Он прошел вслед за Дань Синьцзэ к его комнате. Еще на пороге до него долетел приглушенный шепот:

— Думаете, он испугался?

— Конечно! Будем пугать его каждую ночь, пока не перестанет перед нами выпендриваться.

— Скоро он не выдержит и сам сбежит из закуской, ха-ха...

Цзян Чаншэн с каменным лицом смотрел на три пушистых комка, прицепившихся к балке.

— А ну, живо вниз! — ледяным тоном скомандовал он.

Звери, вздрогнув от его голоса, посыпались на пол.

— Хозяин, это недоразумение! Нам просто не спалось, вот мы и вышли прогуляться, — затараторил Эр Пан, суетливо оправдываясь.

— Да, мы волновались, хорошо ли спится нашему новому сотруднику, решили навестить, — поддакнул Сань Ва, стараясь придать голосу искренность.

— Мы правда не хотели его пугать, хозяин, честное слово! — выпалил Да Ша.

Эр Пан и Сань Ва замерли, а потом одновременно отвесили псу по затрещине.

— Ты же сам всё разболтал!

— Ой, неужели?

Снаружи бушевал шторм, деревья стонали под порывами ветра. И в этом бесконечном шуме дождя Цзян Чаншэн снова услышал тот звук. Леденящая жуть накрыла его.

Услышав этот пронзительный, потусторонний крик, звери мгновенно прекратили перепалку и уставились в сторону Дань Синьцзэ. Их мордочки исказились от неподдельного ужаса.

— Решили продолжить спектакль? — сердито начал Чаншэн. — Вижу, вы совсем от рук отбились, пора бы вам...

— Мяу-гав-писк-а-а-а! Хозяин, бежим!

Не успел он договорить, как троица вцепилась в него и потащила прочь. Чаншэн, ничего не понимая, стряхнул их и обернулся.

Вспышка молнии высветила фигуру Дань Синьцзэ, за спиной которого копошились пряди длинной косматой шерсти. Единственный жуткий глаз, светящийся во тьме, пристально смотрел на лавочника. Шерсть медленно обволакивала ничего не подозревающего человека.

Дань Синьцзэ продолжал улыбаться:

— Кажется, я ошибся. Питомцы лавочника просто испытывали мою реакцию на опасность. В следующий раз постараюсь не поднимать такую суету.

Цзян Чаншэн лишился дара речи.

— Замолчи... — прошептал он, бледнея. — Просто беги!

...

Обливаясь холодным потом, Чаншэн бежал через темноту. В шуме ветра ему чудилось, что пронзительный крик следует по пятам. Внезапно он наступил на что-то твердое и едва не поскользнулся. Под ногами белел обломок скорлупы, покрытый огненными узорами. То самое яйцо.

«Подождите... та жуть...»

Неужели это вылупилось из яйца? Чаншэн представлял себе милого пушистого зверька, которого хочется тискать. Тот должен был вырасти в величественное божественное существо и стать опорой великого мастера. Разве в книгах пишут иначе?

Но что за монстр вылез из его яйца?!

Чаншэн терзался раскаянием. Если бы можно было повернуть время вспять, он бы зажарил это яйцо в первый же день. Хотя нет, от такой еды наверняка подхватишь заразу. Надо было просто сбросить его в пропасть.

Между тем жуткий крик, перекрывающий голоса всех лесных тварей, звучал уже совсем рядом. Чаншэн оказался в тупике. Он слышал бешеный стук собственного сердца и тяжелые, медленные шаги.

— Лавочник Цзян? — из темноты вышел Дань Синьцзэ. Он выглядел совершенно спокойным. — Что случилось?

Чаншэн прищурился. На спине Синьцзэ висело существо, чья косматая шерсть пульсировала, готовая поглотить свою жертву. Одиноким зловещим глаз уставился прямо на него.

Парень же, словно не замечая опасности, продолжал:

— Благодаря вашей еде я чувствую, что мои силы растут. Все здесь так добры ко мне... Я впервые чувствую себя по-настоящему счастливым.

Цзян Чаншэн оцепенел.

— Ты... ты не чувствуешь, что на тебе висит чудовище? — прохрипел он.

— А? — Дань Синьцзэ спохватился.

Он потянулся за спину, снял копошащийся комок шерсти и принялся поглаживать одноглазое существо.

— Вы про это? Я и сам гадал, откуда оно взялось. Посмотрите, какое милое.

Чаншэн промолчал. Кажется, их понятия о «милом» расходились кардинально.

— Чивик-чивик! — раздался вдруг тонкий, нежный писк.

Цзян Чаншэн вздрогнул и повернул голову. Маленькая птичка с обломком скорлупы на голове доверчиво ткнулась ему в ладонь.

В его рукаве медленно засияли страницы «Дневника Гор и Морей».

<http://bllate.org/book/17549/1713168>